

Ханну Томмола. **Аспектуальность в финском и русском языках.** Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, No 28, Helsinki, 1986, 344 с.

Книга профессора Тамперенского университета включает в себя следующие разделы: введение, к теории аспектуальности, аспектуально-темпоральные значения, аспектуальный статус падежа объекта в финском языке, другие аспектуальные средства финского языка, заключение.

Во "Введении" указывается, что "предметом исследования являются категории, выполняющие функции передачи в данных языках способов сказуемости действия, события, процесса или состояния во времени", то есть грамматические категории вида (в русском языке) и времени (в обоих языках), категория падежа объекта с точки зрения ее аспектуального статуса (в финском языке), формально характеризованные способы действия и формально нехарактеризованные группы глаголов с общим аспектуальным значением, так называемые "количественные объектоиды", обстоятельства меры, а также их функциональные связи в сопоставительном плане.

В главе "К теории аспектуальности" излагается понимание автором терминов "целостность", "предельность" и "перфективность". В трактовке автора обозначаемые ими понятия соприкасаются, но не совпадают. Термины "аспектуальность", "аспектуальный", "целостный", "предельный" имеют универсально-семантический характер и могут использоваться для описания семантики предложений любого языка, термины "вид", "видовой" закрепляются исключительно за глагольными видами славянских языков. Термины "СВ" и "НСВ" вне славянских языков не должны применяться. "Когда мы говорим об аспектуальной грамматической категории других языков, мы пользуемся терминами **аспект** (категория), **перфективный** и **имперфективный** (граммемы), если в данном языке нет другого приемлемого названия для этих понятий" (с. 13). Термины "вид" и "аспект", "совершенный" и "перфектный", "несовершенный" и "имперфектный" в словарях лингвистических терминов обычно даются как общепринятые синонимы. Индивидуальное понимание этих терминов нам кажется не совсем удачным. Более удобным представляется употребление термина "аспектуальность" для универсального обозначения способа протекания действия, которое выражено глаголом и существительным. Внутри аспектуальности разграничиваются **вид** как морфологическая категория независимо от того, о каком языке идет речь, **способы действия** (Akti-

onsarten) как формально характеризованные лексические группы глаголов и синтагматические способы обозначения ограниченности/неограниченности действия каким-либо пределом. При этом следует иметь в виду, что категория аспектуальности часто имеет не отражательный, а интерпретационный (специфически языковой и индивидуальный) характер, то есть аспектуальные противопоставления отражают не определенные свойства реальных действий, а взгляд говорящего на действие и специфические свойства и возможности отдельных языков в этом отношении. Автор прав, что в предложениях типа *Мы говорили с ним полчаса* — *Мы поговорили с ним полчаса* (даже *Мы проговорили с ним целые полчаса*) "различия в протекании действия в конкретной действительности исключены" (с. 17). Но из этого не следует, что эти предложения "однозначны семантически". Предложение *Мы говорили с ним полчаса* равнозначно предложению *Мы поговорили с ним только полчаса*. Употребление способов действия иногда становится необязательным: Так, можно сказать *Он купил/накупил книг*. Использование накопительного способа действия *накупить* однако делает русскую речь более аутентичной. Недостаток употребления термина "предельный" можно было устранить таким образом, что этот термин следовало бы употреблять в значении английского 'bounded', в значении же 'telic/atelic' — термины "динамический" и "статический", которые распространены в английской грамматической литературе (dynamic and stative verbs). Только динамические глаголы способны к аспектуальному противопоставлению. В английском языке, например, только от них образуются прогрессивные видовые формы, в финском и венгерском языках — фреквентативные способы действия.

В главе "Аспектуально-темпоральные значения" указывается, что категория времени "не является абсолютной лингвистической универсалией, но существует имплицативная закономерность, согласно которой в языке прошедшее время различается от не прошедшего, если в нем вообще наличествует грамматическое время [...]. Все остальные формы времени — в более дифференцированных системах, разветвленных либо в сторону будущего, либо прошедшего времени — вызваны суждениями субъективного порядка и содержат элементы или модальности, или аспектуальности, или тот и другой" (с. 29). Будущее как гипотетическое понятие часто окрашено разными модальными значениями (ср. нем. *Er wird es schon wissen*), разные же формы прошедшего времени обнаруживают аспектуальные оппозиции. В этой же главе описывается функциональное соответствие грамматических времен в финском и русском

языках.

В 3-й главе "Аспектуальный статус падежа объекта в финском языке" доказывается, что в финском языке партитивный и винительный падежи объекта способны дифференцировать неопределенное и предельное аспектуальное значение глагольного действия. Ср.: *lukea kirjaa* 'читать книгу' — *lukea kirjaa* 'прочитать книгу'. Однако нет прямолинейного соотношения между русским несовершенным видом и финским партитивным падежом, русским СВ и финским винительным падежом. Так, например, в финском языке существует конкуренция Акк/Парт в вопросительных предложениях, прежде всего, "да-нет"-вопросах. Ср.: *Вы читали эту книгу?* — *Oletteko lukenut tämän kirjan/tätä kirjaa?* (с. 103). В русском языке партитивный родительный падеж встречается обычно с глаголами СВ. Для трех объектных конструкций в русском языке мы имеем в финском лишь два эквивалента: *Он пил воду/выпил воды* 'Hän joi vettä' (Парт) — *Он выпил воду* 'Hän joi veden' (Акк). При этом надо отметить, что в русском языке партитивный родительный падеж в отдельных случаях возможен и с глаголами НСВ. Ср.: *Опять хожу, курю, выпиваю за завтраком водки и вина* (Л. Толстой, Крейцерова соната). [...] *украл коня и просит табаку* (Короленко, Сон Макара). (Ср. утверждение автора: "В утвердительных предложениях семантически мотивированное употребление т.н. партитивного встречается только с глаголами СВ" (с. 69).)

Четвертая глава посвящена другим аспектуальным средствам финского языка: количественным объектоидам, местным падежам (эссиву и транслативу, внутренне- и внешнеместным падежам и др.) и характеризованным способам действия (фреквентативам и моментативам).

В "Заключении" указывается, что в повествовании СВ выступает немаркированным (значение предельности), тогда как неопределенность (итерация, прогрессив) несов. вида маркируется. "Вне повествовательного текста СВ является маркированным в силу положительного признака целостности" (с. 288). Общие черты русской и финской аспектуальности заключаются в обозначении целостности. Значение же предельности/неопределенности доминирует в семантике русских глаголов и не имеет соответствия в финском языке.

В целом книга возбуждает интерес к типологическому изучению категории аспектуальности, способствует лучшему пониманию сущности аспектуальности в русском языке.

И. Пете